

Доваторцы

Илья Чумак

Рисунки художников А. МУРАВЬЕВА и П. ГОРБАНЬ

На врага заклятого
Ночью огневой
Мы за Львом Доватором
Выходили в бой.
(Из песни конногвардейцев).

Не так давно автор этих строк получил из овцесовхоза № 3, Арзгирского района, интересное письмо. Прислал его бывший боец-доваторец Василий Григорьевич Кисляк. Ниже привожу его полностью и дословно. Оно этого заслуживает.

«Я прочел Вашу корреспонденцию об истории одного знамени. И надо сказать, что читать ее было и отрадно и горько. Отрадно потому, что наконец-то Вы, ставропольские литераторы, вспомнили о воинской славе своих земляков, сражавшихся в рядах кав. корпуса генерала Доватора во время Отечественной войны, а горько от того, что Вы рассказали лишь о знамени добровольческого полка, но и словом не обмолвились о нашем знамени - о знамени 53-й кав. дивизии. А ведь мы вступили в первые схватки с врагом уже в начале июля 1941 года. И прямо с колес, с железнодорожной станции Старая Торопа.

Знали бы Вы, сколько героизма, сколько подвигов совершили ставропольцы, сражаясь в рядах 53-й дивизии! Они умирали, но не сдавались. Они не выпускали из своих рук оружия до последней минуты. А вот Вы о них забыли.

Какое бы благородное дело сделали литераторы Ставрополя, если бы они поступили так, как писатель Смирнов - взяли, да

собрали материал о боевых делах нашей дивизии. Взяли, да и написали бы побольше о славном боевом ее пути. Ведь многие из тех, кто сражался в ее рядах, еще живы. Они откликнулись бы сотнями писем со своими воспоминаниями о тех незабываемых днях».

Тов. Кисляк написал верно, и его упрек литераторам края вполне справедлив. Вот почему я и разыскал у себя уже пожелтевшую от времени свою фронттовую, как я ее называю, доваторскую тетрадь...

* * *

Многие ставропольцы еще помнят этот сурово-торжественный день. Край провожал на фронт только что сформированную 53-ю кав. дивизию. Она уходила в бой за родную землю. Одетые в военную форму рабочие, колхозники, трактористы, комбайнеры, чабаны отправлялись на запад сражаться против немецко-фашистских захватчиков, подло нарушивших нашу мирную жизнь.

После прощального митинга конники бесконечным потоком хлынули на вокзал. Был июль, в небе ярко горело солнце, и тот, кто провожал на фронт своих земляков, не мог не увидеть, не прочесть на их знамени расписанных золотом слов: «От крайкома ВКП(б) и краевого Совета депутатов трудящихся». На том самом знамени, которое в настоящее время находится в нашем краевом музее как священная реликвия, как

символ беспримерной воинской доблести и отваги.

«Мне выпала счастливая доля командовать такими славными советскими патриотами, какими являются казаки Кубани и Терек, — вскоре написал в своем письме на Ставрополье легендарный командарм советской конницы Доватор. — Очень многие из них за доблесть и мужество в боях с немецким фашизмом награждены правительственными наградами. Многие пали смертью храбрых».

Командир Второго кавалерийского корпуса генерал - майор Доватор, принявший в свое соединение 53-ю Ставропольскую кав-дивизию, вложил в эти строки большое чувство. Будь он жив, не раз побывал бы уже он на Ставрополье и, может быть, только затем, чтобы еще и еще раз обнять не знающих страха в бою, беззаветно преданных Родине мужественных и храбрых бойцов.

* * *

Шли бои в подмосковных лесах. Не считаясь с потерями, гитлеровская армия яростно рвалась вперед, но советские войска несокрушимой преградой стояли на ее пути и дрались насмерть. Ни шквал артиллерийского огня, ни чудовищные бомбежки, ни танковые атаки не могли сломить железную волю наших воинов, их решимость умереть, но не сдать столицы родной страны.

И вот, когда сражение за Москву достигло предела и во многих местах перешло в рукопашные схватки, в тылу врага вдруг появилась конница генерала Доватора. Как она туда прорвалась?.. В условиях траншейного боя, когда всё, от края до края, было завалено снегом, когда над каждой полянкой, над каждым просветом в лесу стоял огненный смерч, это показалось для многих просто невероятным. И всё же это была правда. Поняв угрозу удара в спину, гитлеровцы сразу ослабили фронтальный нажим и, огрызаясь, как попавший в западню зверь, стали откатываться назад.

Тем временем советские конники уже превратили все дороги отступления вражеских войск в огненный ад. Они налетали на противника, как ураган, громя и уничтожая его штабы, автоколонны, обозы. У деревни Рибшево они вырубали три полка эсэсовцев, разгромили штаб крупного

соединения, взорвали больше десятка мостов и складов с боеприпасами. Куда бы ни бросались фашисты, всюду они натыкались на всадников. Отдельные эскадроны проникли за сто километров от линии фронта, наводя на противника страх и смятение.

Именно в эти дни Лев Михайлович Доватор и написал на Ставрополье о том, что ему выпала счастливая доля командовать такими славными советскими патриотами, какими являются казаки Кубани и Терек.

Наша родная 53-я кавалерийская дивизия нас не подвела. Она в первом же бою показала великолепный пример воинской доблести. Ставропольские конники ринулись на броненосные орды Гитлера неудержимой лавиной. Не зря после этого боя Доватор взволнованно крикнул ставропольцам: «Салют героям!»

И они были достойны звания героев. Брошенные в бой, едва ли не прямо из железнодорожных вагонов, еще не обстрелянные ставропольские конники опрокинули наседающего врага одним ударом.

Ставропольцы полюбились Льву Михайловичу с первого дня. Для кавалерийского строя их словно создала сама природа. Сильные, ловкие, они ни на что не жаловались, всё переносили спокойно, как будто уже давно привыкли к суровой обстановке войны. Казалось, им нипочем ни холод, ни голод. Никто из них не гнулся ни под пулями, ни под метелью. Чтобы всегда быть готовыми к бою, спали в седлах, не выпуская из рук оружия. На привалах, если не находили затишья от ледяного ветра, снимали с плеч полушубки и укрывали ими своих лошадей. В дни бескормицы отдавали свой продуктовый паек коням, а сами потуже затягивали ремни. Когда начинался бой, не горячились, а терпеливо ожидали команды. За трусость здесь расстреливали на месте, а за отвагу и доблесть подбрасывали на «ура» чуть ли не до верхушек сосен...

Лучших конников, какими оказались ставропольцы, Доватор и желать не мог, поэтому уходил с ними в глубокие рейды без всякой тревоги. Он знал, что 53-я дивизия способна выдержать любой натиск врага, любые испытания. Ставропольские конники

не дрогнут, когда окажутся в железном кольце или прижатыми танками к какой-либо реке. Они не падут духом даже тогда, когда опустеют не только их вещевые мешки, но и кисеты...

И Лев Михайлович Доватор не признавал иной тактики для своей конницы, кроме тактики глубокого рейда. Эта тактика осталась здесь и после его геройской смерти в бою под деревней Палашкино, и наша родная 53-я почти всю Отечественную войну оказывалась на освобожденной советской земле лишь после того, когда прорывала вражеский фронт.

Нелегко было солдатам, ведущим с врагом фронтальный бой, но каково было конникам, брошенным за сотни километров от фронта? Порой они не имели возможности отдохнуть и согреться.

Сражаться в тылу противника было невероятно тяжело, и всё же советская конница ни из одного рейда не вышла без воинской славы, без победы. Больше того, эти рейды по глубоким тылам врага не раз решали судьбу больших сражений на основных направлениях. Ярким примером этого может служить прославленный рейд 53-й дивизии в тыл Кировской и Людиновской группировок противника. Прорвав фронт, полки дивизии форсировали реку Десна, захватили плацдарм на западном берегу этой реки и держали его в течение четырех дней, пока не подошли и не закрепились здесь пехотные части.

Сабельные полки 53-й никогда не держали во втором эшелоне. На линию главного удара их выдвигали почти в каждом бою. То было не только боевое завещание

легендарного Доватора, а и постоянная уверенность командования, что ставропольцы выполнят приказ с честью.

Однажды противник, сосредоточив крупные, силы, внезапно перешел в наступление, чтобы сбросить советские части с плацдарма западнее реки Гжать. Не выдержав вражеского натиска, пехота начала отходить. Оказать ей немедленную поддержку казалось невозможно: после непрерывных дождей река разлилась и превратилась в стремительный и грозный поток. Переправа была снесена, броды исчезли. Перебраться на плацдарм нельзя было даже на лодках.

И тем не менее уже на рассвете полки 53-й были на той стороне. Они перешли реку вплавь на лошадях. Правда, эта переправа досталась недешево, но для героев иного выхода не было. Они не могли не выполнить боевого приказа.

Навстречу выходящим из холодной воды советским конникам гитлеровцы бросили 20 тяжелых танков и два батальона автоматчиков. Им надо было преградить дорогу казакам любой ценой.

Но и ставропольским конникам надо было выстоять любой ценой, и на узкой прибрежной полоске загорелся отчаянный бой. На отдельных участках на долю каждого конника приходилось до десяти фашистских солдат. Были минуты, когда казалось, что всё погибло, но вновь и вновь навстречу атакующему врагу вставала бесстрашная цепь. Она подбивала гранатами наползающие стальные чудовища, расстреливала автоматчиков и шаг за шагом продвигалась вперед всё дальше и дальше на запад.

Плацдарм на западном берегу реки Гжать не только был удержан, но и расширен. Через два дня отсюда началось новое наступление Советской Армии, а еще через два дня был совершен прорыв фронта, и в этот прорыв, как всегда, первыми ринулись ставропольские конники.

В боях под Жуковской 53-я дивизия попала в кольцо. Силы противника превосходили силы дивизии едва ли не в десять раз. К тому же у ставропольцев не осталось боеприпасов. Создалось настолько отчаянное положение, что, казалось, нужно было думать лишь об одном: о спасении своего знамени. Но ставропольцы бесстрашно бросились в рукопашную схватку и не только разорвали вражеское кольцо, но и отбросили фашистов далеко назад.

Правительство высоко оценило боевые заслуги дивизии, присвоив ей наименование гвардейской Мозырской. Все ее полки за доблесть и мужество, проявленные в боях за родную землю, награждены орденами Красного Знамени, а добровольческий полк, ушедший на фронт несколькими месяцами позже их как боевое пополнение,— орденом Красного Знамени и орденом Александра Невского.

Так хранили боевые традиции своих отцов, прославивших себя еще в годы гражданской войны, ставропольские конники. За время своих беспримерных рейдов они освободили свыше 300 населенных пунктов и несколько городов, уничтожив при этом до 200 танков противника и около 20 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

Тяжел, но славен был путь нашей родной Ставропольской кавалерийской дивизии. За четыре года ожесточенных боев она не знала поражений. Это были годы непрерывного наступления, стремительного движения вперед. Вперед за легендарным Доватором — уже незримым, уже безгласным, но, как всегда, зовущим казаков к новым подвигам и к новым победам во имя освобождения Родины.

Теперь многое, что было в то грозное время, звучит как легенда. Но мы знаем — эту легенду соткала не молва, а великая правда. Сыновья героев гражданской войны оказались такими же героями, как их родные отцы.

Мы не знаем, жив ли сейчас Николай Перведенцев, но точно знаем, что это сын краснопартизанского командира, погибшего в бою с белогвардейцами под Винодельным.

Николай, видно, не забыл, кем был его отец и за что он отдал свою жизнь, потому что уже в первые дни схваток с фашистскими оккупантами проявил себя в дивизии как беззаветный герой. Он неудержим был в атаках. Он бросался прямо под пулеметный огонь врага. В бою за город Середина Буда старший сержант Перведенцев одним из первых ворвался на его улицы и, скосив автоматным огнем больше десятка гитлеровцев, заставил поднять руки вверх целый взвод. Вскоре после этого боя он с группой бойцов захватил два вражеских обоза и сбил самолет.

Командир пулеметного взвода младший лейтенант Яковенко — не сын ли это кого-нибудь из тех Яковенковых, чьи имена так же, как и Перведенцева, отца Николая, значатся в памятном списке героев гражданской войны? Был бой на реке Буг, жестокий бой. Очень долго вражеская батарея не давала не только подняться в атаку, но и выглянуть из-за бруствера окопа. Чтобы подавить ее, нужен был подвиг, нужно было пойти кому-то на верную смерть. И младший лейтенант Яковенко даже не задумался; он выскочил из окопа и бросился к рядом стоящей брошенной фашистами самоходке. Довоенная специальность тракториста пригодилась — и уже через минуту броненосная громада, громыхнув гусеницами, рванулась вперед.

Она налетела на вражескую батарею, как танк, и хотя уже пылала от прямого попадания термитного снаряда, герой с нее не спрыгнул. Яковенко не выпустил из своих рук рычаги ее управления до последней минуты, пока не исчез в пламени сам.

В августовских боях под деревней Подъяблонье был убит рядовой Василий Гнилокостов. Жители села Камбулат, где родился и вырос Гнилокостов, не должны забыть этого человека. Он один бросился в рукопашную на целую группу фашистов. Его пытались взять живым, но Гнилокостов предпочел плену смерть, уложив штыком и прикладом винтовки четырех гитлеровских головорезов.

Отважные партизанки Ставрополя, отдавшие свою жизнь за освобождение родного края от гитлеровских оккупантов.

Женя Буланова.

Валя Плугарева.

Дора Карабут.

Нелли Белявская.

Не должны забыть своего бывшего председателя колхозники сельхозартели имени Шейко, Ипатовского района, Гавриила Васильевича Шаповалова. В 53-й кав. дивизии он служил командиром взвода разведки. Перед ним порой ставили такую сложнейшую боевую задачу, что, казалось, выполнить ее невозможно. Но отважный разведчик Шаповалов своих командиров никогда не подводил. Он возвращался из тыла врага с ценнейшими сведениями, как обычно, притаскивал с собой «языка». Когда, наконец, враги обнаружили его взвод, он смело вступил с ними в неравную схватку. Шаповалов отбивался от нападающих эсэсовцев до последнего патрона. Истекая кровью от неперевязанных ран, он еще нашел в себе силы, чтобы убить прикладом

15

винтовки фашистского офицера.

Был в дивизии рядовой боец Любенко, родом из села Привольного, Красногвардейского района. Перед ним, как перед умелым минёром, командование поставило задачу: любой ценой взорвать в тылу врага мост. И мост этот был взорван ценой собственной жизни героя.

Интересно — где сейчас Оля Голубева — бывшая медицинская сестра из сабельного эскадрона капитана Баскаева. В ту пору это была тихая и скромная девушка в сапогах и простой солдатской шинели. И мысли ни у кого не было, что она способна на какой-то подвиг. А вот когда эскадрон капитана Баскаева после прорыва в тыл врага оказался больше не в силах уносить с собой раненых, Оля Голубева сказала:

— Оставьте меня с ними где-нибудь в лесу...

И она одна-одинешенька осталась с ранеными в лесу по ту сторону фронта. Она ждала возвращения из рейда родного эскадрона три дня, забыв обо всем: не только об отдыхе, но и смертельной опасности. Рискуя собственной жизнью, она сохранила жизнь 32 бойцам.

«Если погибну, считайте меня коммунистом», — такая записка была найдена в кармане гимнастерки у смертельно раненного командира взвода Ковалья. В бою под Брянском он вместе с бойцом Хановым первым ворвался в траншею противника и уничтожил десять фашистов. Завладев тяжелым вражеским пулеметом, Коваль тут же повернул его ствол на перешедших в контратаку фашистов и не покинул его до тех пор, пока от потери крови не потерял сознания.

Если еще жива Евдокия Дмитриевна Крайнева из села Тихомировка, Воронцово-Александровского района, пусть она не без гордости расскажет односельчанам о своем сыне Николае. Она очень хорошо знает, как погиб ее Николай на войне. В январе 1945 года на ее имя с фронта пришло письмо, в котором сообщалось: «Не плачьте, дорогая Евдокия Дмитриевна, о вашем сыне Николае мы сохраним вечную память. В бою за нашу советскую Родину он умер, как герой».

И была в этом письме печатная армейская газета, где рассказывал очевидец: «Это произошло ночью, во время внезапной атаки противника. На старшего сержанта Николая Крайнева прыгнуло с бруствера в окоп сразу несколько фашистских солдат. Автоматная очередь, которую дал по ним Крайнев, остановить их не смогла, и все они навалились на Николая. Им, видимо, захотелось взять его живьем. Между одним советским солдатом и девятью фашистами завязалась отчаянная борьба. Учув, что ему от врагов не отбиться и он вот-вот будет пленен, Николай выхватил из-за пояса связку гранат и, сорвав с нее боевую чеку, кинул себе под ноги. Раздался взрыв, и когда дым рассеялся, мы не увидели больше в окопе ни Крайнева, ни вражеских солдат. Герой подорвал и себя и фашистов».

Где-то в Калининской области на реке

Гжать есть деревня Романове Если бы жители этой деревни знали, сколько героизма проявили ставропольские конники, чтобы отбить ее у врага, они давно бы всем там погибшим поставили памятник. Бой за деревню Романово шел не на живот, а на смерть. Она переходила из рук в руки несколько раз. Во время одной контратаки фашистов третий взвод пулеметного эскадрона под командованием гвардии лейтенанта Шабалова вынужден был засесть на чердаке одного дома. Окружив этот дом танками, фашисты предложили конникам сдаться. Ответом на это была пулеметная очередь на полную ленту, И не с одного пулемета, а изо всех — и станковых и ручных. Тогда фашистские танки ударили по дому термитными снарядами. Чердак загорелся, но ни единый из тех, кто там засел, не выбросился из бушевавшего пламени. Наши солдаты сгорели живьем, но не сдались.

До войны в городе Прикумске работал председателем Осоавиахима молодой коммунист Иван Мариморов. Сам он житель села Малые Ягуры. Нет не должны малоягурпы забыть командира 3-го взвода 2-го эскадрона младшего лейтенанта Ивана Мариморова! Подавно — Романовны. В бою буквально за кирпичи, которые остались от их деревни, Иван Мариморов на целую роту фашистов поднял в атаку свой взвод, в котором осталось всего тринадцать бойцов. Из всех этих тринадцати, никто не вернулся живым, в том числе и младший лейтенант Иван Мариморов.

Точно, где родились и выросли командир пулеметного взвода Голованов и политрук Барановский, нам установить пока не удалось. Но мы узнаем. А когда узнаем, напишем их землякам-односельчанам: непременно поставьте на своей площади обелиск в память о бессмертном подвиге Голованова и Барановского. Тоже самое должны сделать колхозники села Романовки.

Лейтенант Голованов и политрук Барановский умерли на улице села Романовна. Их раздавили фашистские танки. Со своим взводом эти, совсем еще молодые парни из двенадцати подбили пять вражеских танков и огнем пулеметов и автоматов уничтожили 70 солдат.

Во время одного из рейдов по глубоким

тылам врага доваторцы столкнулись с крупными силами противника. Из боя они вышли, неся на плечах свыше двухсот человек раненых. Через леса и болота они несли их восемь дней и только на девятый, когда стало ясно, что из-за раненых боевая задача может быть не выполнена, их решили на время оставить в глухом лесу. На случай нападения немцев вместе с ранеными были оставлены 50 конников-ставропольцев. Если бы кто уцелел из этих пятидесяти, он рассказал бы нам о бессмертном подвиге своих земляков. Восемнадцать раз фашисты бросались в атаку на горстку наших бойцов.

Они ворвались в лагерь раненых только после того, когда все его защитники, до одного, были убиты.

Вот так дрались с немецко-фашистскими оккупантами ставропольские конники. Слава легендарного генерала Доватора — это их слава. Пройдут новые годы, столетия, они сотрут память о тысячах живших на нашей земле — такова всепобеждающая сила времени, — но мы, ставропольцы, будем всегда помнить доблестных земляков, смело и гордо отдавших свои жизни за родную советскую землю.

